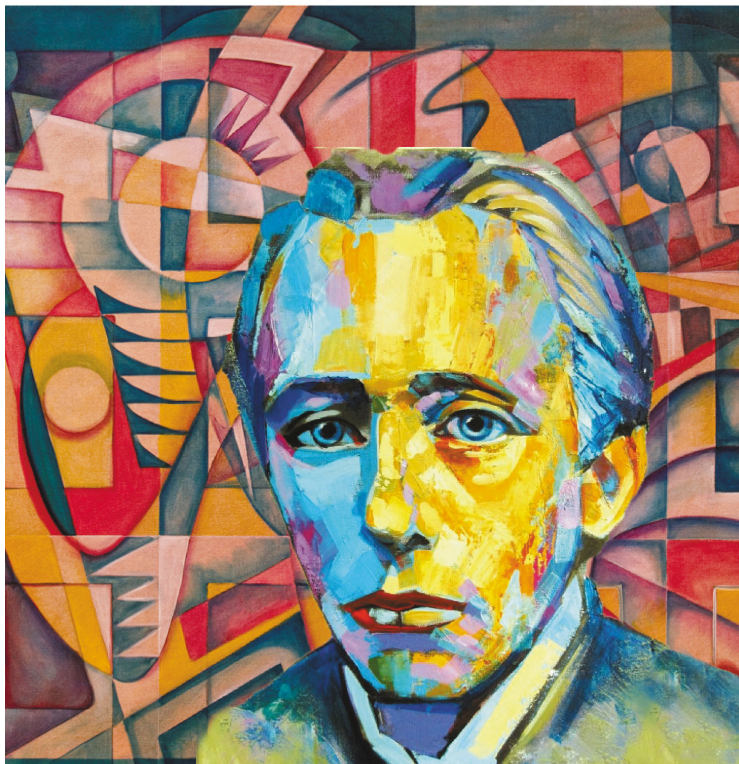


2019



Российский «КОЛОКОЛ»

«Спецвыпуск им. Велимира Хлебникова. Выпуск второй»



Альманах
Альманах «Российский колокол». Спецвыпуск им. Велимира Хлебникова.
Выпуск второй
Серия «Альманах
«Российский колокол»»
Серия «Литературный альманах
«Российский колокол» 2019»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44079739

*Российский колокол:
ISBN 978-5-00153-111-1*

Аннотация

«Дорогой читатель! Перед тобой специальный выпуск альманаха «Российский колокол», посвященный памяти русского поэта и прозаика, одного из крупнейших деятелей русского авангарда Велимира Хлебникова...»

Содержание

Слово редактора	4
Борис Алексеев	6
Планета-надежда	8
Вступление. Обыкновенная пакость фатального характера	8
Часть 1. Соприкосновение	11
Часть 2. Рождённый от крови	16
Часть 3. Рэм!	20
Часть 4. Первый монолог оружия	26
Часть 5. Шаман	28
Часть 6. Гибель Рэма	30
Часть 7. Ещё одна ошибка и...	33
Часть 8. Покаяние	35
Часть 9. Рэм умер – да здравствует Рэм!	37
Часть 10. Надежда подлежит восстановлению	41
Часть 11. Охота	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Российский колокол

Слово редактора

Дорогой читатель!

Перед тобой специальный выпуск альманаха «Российский колокол», посвященный памяти русского поэта и прозаика, одного из крупнейших деятелей русского авангарда Велимира Хлебникова.

В истории литературы немного писателей с такой сложной судьбой и таким необычным мировосприятием. «Вечный узник созвучия», «председатель земного шара», «будетлянин» (от слова «будет»), как он себя называл. Его творческие поиски во многом определили развитие не только русской, но и мировой культуры XX века, а найденные им «законы чисел», «законы времени», другие открытия оказались пророческими. Его короткая жизнь окружена легендами, за которыми скрываются еще более фантастические факты.

Кому-то творчество Велимира Хлебникова покажется странным и непонятным, а кого-то увлечет и натолкнет на размышления. Уверены, что среди вас будут и те, кому вообще не знакомо это имя. И поэтому наш альманах несет не только памятную, но и просветительскую миссию.

И как говорил Велимир Хлебников:

«Стихи живут по закону Дарвина. Закон Дарвина справед-

лив не только для животных, но и для стихов. Самые сильные стихи живут столетия, а слабые вымирают».

А значит, перед нами сильные стихи, которые не просто пережили столетия, а заняли свою нишу в русской литературе.

Надеемся, что в нашем выпуске вы обязательно найдете для себя что-то увлекательное и полезное, ведь в его создании принимали участие десятки талантливых и интересных людей. И каждому из них определенно есть что сказать и чем поделиться.

Хотим выразить свое признание и уважение всем нашим авторам, которые любезно откликнулись на приглашение принять участие в этом необычном и интересном проекте памяти великого писателя.

Приятного чтения!

Борис Алексеев



Борис Алексеев, москвич, родился в 1952 году. Окончил ядерный институт МИФИ, некоторое время работал физиком-ядерщиком в Институте атомной энергии им. И. В. Курчатова. Увлёкся рисованием, оставил физику, выучился на художника и стал профессиональным иконописцем. С 1998 года является членом Московского Союза художников. Имеет два ордена РПЦ.

Пишет стихи и прозу. Выпустил ряд книг, в том числе три

книги в содружестве с ИСП. В 2016 году стал лауреатом премии Гиляровского (памятный знак 3-й степени) и серебряным лауреатом Международной литературной премии «Золотое перо Руси».

Живет и работает в Москве.

Планета-надежда

Фантастическая триоль для старших и старейших школьников

Вступление. Обыкновенная пакость фатального характера

– Я так считаю: на Земле человек стал таким беспечным всезнайкой. Ничем его не удивишь. Космос – другое дело! В космосе чем больше ты знаешь, тем глубже твоя граница с незнанием. Космическая одиссея возвращает нам способность удивляться!..

– Ромул, оставьте эмоции. Комиссию интересует только ваша техническая версия случившегося.

– Техническая? Пожалуйста. В считанные секунды непредвиденное обстоятельство превратило нашу планетарную миссию в жалкую примитивную катастрофу. Я понимаю, вас интересует человеческий фактор. Искать причину аварии в действиях стрелочника – неистребимая особенность нашего рабского ума! Однако смею утверждать и настаиваю: случившееся с нами – ещё один пример дискретности наших фундаментальных знаний. Проще говоря – обыкновенная пакость фатального характера. И только.

Вечером того же дня.

– Ромул, здорово ты этих комитетчиков припечатал! Они Верховному уже и списочек составили. Вали на мёртвых, им что!

– Слушай, Рэм, найди мне толкового скульптора. Я памятник ребятам обещал поставить. Если Комитет не прочухается, поставлю сам.

– Почему ты сказал «Рэм»? Я Кларк.

* * *

...Рабочая капсула в штатном режиме отделилась от орбитальной станции и вошла в плотный атмосферный слой крохотной планеты Урия¹.

Когда до расчётного квадрата посадки оставалось меньше полутора тысяч метров, на поверхности планеты началось мощнейшее извержение вулкана с выбросом радиоактивного пепла. Все приборы капсулы мгновенно зашкалили. Защита, блокированная контуром «i-ri» и не рассчитанная на бомбардировку быстрыми нейтронами, которых практически нет в открытом космосе, не сработала. В результате вместо мягкого и контролируемого приземления капсула воткнулась точно в гранитный выступ скальной гряды. Сотрясение было настолько велико, что все четыре мои товарища,

¹ Урия – древнееврейское имя, «Бог – мой свет» (для особо любознательных: Урия – представительница периферийной планетарной системы ближайшей к нам звезды класса Солнца HD6830, расположенной в созвездии Кормы).

находившиеся в переднем обзорном отсеке, погибли мгновенно. Меня же спасло то обстоятельство, что за минуту до удара я отлучился в отсек биологических процедур, находящийся в хвосте капсулы (проще говоря, в сортир). Богу было угодно, чтобы деформация корпуса остановилась в нескольких перегородках от того места, где я, собственно, и «выполнял» процедуру. По этой нелепой случайности мне удалось обменять смерть на пару отменных шишек на голове и лёгкую контузию.

Оглушённый ударом, шатаясь, как пьяный, от сотрясения и испарений какой-то разлившейся гадости, я прошёл в головной отсек, вернее в то, что от него осталось, и по трупам товарищей стал пробираться к выходу. У выходного шлюза мне почудился странный гул. Гул нарастал. Я тупо поглядел в иллюминатор и увидел, что повреждённая капсула окружена толпой воинственных живых существ, антропологически схожих с нашими далёкими предками. О, несмотря на трагедию момента, это зрелище захватило меня! У подножия битого сверхметалла оживала иллюстрация из книги о раннем периоде развития человечества.

В голове моей всё смешалось. Ужасный вид мёртвых астронавтов в разорванных скафандрах, живые комиксы дикарей за окном, разбитая в хлам аппаратура – всё сплелось в причудливый липкий ком визуальной грязи. Я обхватил руками голову и сжал виски, стараясь удержать в равновесии рассудок, накренившийся, как крыша соломенного домика

под тяжестью мартовского снега.

Часть 1. Соприкосновение

Токсичность воздуха в капсуле увеличивалась с каждой минутой. Остаться доле взаперти не имело никакого смысла. Я собрался с духом и ослабил гидравлику выходного шлюза.

Центральный бортовой компьютер, сохранивший (это невероятно!) работоспособность после аварии, объявил по селектору состав урийской атмосферы и добавил, что первичный анализ допускает контакт с бионикой среды без поддерживающих систем дыхания и температурной регуляции. «И то слава Богу, – подумал я, – судя по всему, здесь явно придётся задержаться».

Шлюз медленно наполнился воздухом Урии. Воздух был абсолютно прозрачен, но имел лёгкий фиолетовый оттенок. Я осторожно вдохнул его фиолетовую струйку, и тут же по всему телу разлилось сладостное ощущение покоя и бессодержательного веселья. «Ох, не к добру!» – подумал я, пряча улыбку.

Последние аварийные «челюсти» шлюза распахнулись, и механический трап медленно пополз к поверхности планеты. «Ты гляди, мы ещё что-то можем!» – обрадовался я, с каждой минутой всё более пьянея от испарений фиолетового урийского «самогона».

С моим появлением на площадке трапа у подножия капсулы наступила мёртвая тишина. Не менее тысячи глаз из-под косматых смоляных бровей пожирали меня глазами со смешанным чувством любопытства и страха. Представьте моё положение: за спиной – трупы мёртвых товарищей, впереди – дикая, непредсказуемая масса коренного населения планеты. И я, оглушённый случившимся, в состоянии аффекта должен приступить к историческому диалогу двух цивилизаций!

Я развёл руки в стороны, таким образом подавая туземцам знак о своём миролюбии. По толпе прокатился одобрителный гул. Ага, значит, поняли! Не опуская рук, я начал спускаться по трапу вниз. Каждый мой шаг толпа сопровождала гулким «у-ух» и чуть более сторонилась капсулы. Наконец я ступил на каменистую поверхность планеты Урия.

Кровь ударила в виски: свершилось ещё одно грандиозное событие в познании Вселенной. Однако печальные обстоятельства за моей спиной не располагали к фундаментальной радости, скорее, наоборот.

«Что они со мной сделают, когда перестанут бояться, – съедят, наверное?» – подумал я, продолжая вдыхать упоительную местную аромату и глупо улыбаться в ответ на озадаченные выражения туземцев.

От толпы отделились четыре высокорослых существа и мелкими пружинистыми шажками направились ко мне. Так кошка, повинувшись инстинкту, подкрадывается к опасной до-

быче, которая может расправиться с ней самой.

«Парламентёры» остановились метрах в четырёх-пяти от трапа. Поразительно! Все четыре дикаря внешне были абсолютно похожи друг на друга. Вы усмехнётесь: дикари схожи по определению. Согласен, европейцу подметить различия двух китайцев – большая проблема! Но тут было иное. Передо мной стояли настолько одинаковые экземпляры, что закрадывалась мысль... об их последовательном клонировании. Забегая вперёд, скажу: именно так и оказалось.

Один из подошедших поднял вверх руку. Толпа одобрительно закивала головами и опустилась на колени. Я понял: передо мной вождь и свита. Вождь, продолжая указывать в небо, вытянул другую руку в мою сторону. Он что-то предлагал мне, и я обязан был ему ответить. Но что? Есть правило: когда не знаешь, как поступить, повтори уже известное. И я, копируя движения дикаря, так же поднял правую руку вверх, а левой указал на него. Вождь, не опуская рук, направился ко мне. Я зашагал ему навстречу. Через пару мгновений наши пальцы коснулись друг друга. Как только это символическое касание произошло, толпа поднялась с колен и огласила окрестность рёвом ликования.

Я понял сакральный смысл происходящего. Сверкающий серебристый скафандр с кучей причудливых прибабасов роднил меня в сознании дикарей с божественным пришельцем, ожидание которого всегда присутствует в разумной материи, независимо от уровня её эволюционного развития.

Получив «благодать» методом «прикосновения к боже-
ству», вождь отправился раздавать её соплеменникам. Двой-
ники (их он коснулся в первую очередь) тоже отправились в
народ, торжественно вознося правую руку вверх как символ
небесного сопричастия.

Восторженная церемония дикарей напомнила мне земное
отечество, детство и воскресную службу в храме, счастли-
вые лица прихожан, отходивших от Чаши с кусочками Тела
и Крови Господней...

Благостные воспоминания прервала трезвая мысль-негод-
ница: не надумают ли дикари меня самого превратить в
некое «причастие»? Мысль о том, что я могу рассыпаться
(вернее, разрезаться) на «благодатные» кусочки, равно как
и просто быть съеденным без гарнира, вернула мне чувство
опасности. Твердили же нам все пять лет обучения в универ-
ситете астронавтики: «Чувство опасности – ваша нить Ари-
адны в космической одиссее!»

Дикари, не ведая о моём страхе, по очереди выходили из
толпы и складывали передо мной подношения. Вскоре вы-
росла целая гора разнообразных предметов – от каменного
острия стрелы до мохнатого скальпа какого-то животного.
Торжественный вид собравшихся недвусмысленно говорил,
что появление капсулы они расценивают как чудо и вождь
объявляет по этому случаю великий праздник. Действитель-
но, лица туземцев искрились предвкушением праздничного
веселья.

Вдруг огромная чёрная птица, похожая на древнего ящера-птеродактиля, сорвалась с верхушки скалы и камнем упала в толпу дикарей. Вонзив острые когти в одного из них, она пыталась взлететь, но со всех сторон десятки рук ухватили её за взъерошенные подкрылки. Силы были явно неравны, и птица, орудуя клювом, стряхивала нападавших одного за другим. Но действия дикарей на некоторое время задержали расправу над беднягой, зажатым в железных когтях рептилии, и это позволило свершиться невероятному!..

Несчастный пленник изловчился и, несмотря на ужасную боль и распятое состояние, достал из болтавшейся за его спиной плетёной сумы какой-то острый предмет. Этим предметом (видимо, заточенным камнем) он рассёк руку от плеча до ладони. Кровь брызнула из раны. И тут я оказался свидетелем настоящего чуда, чуда по всем земным и планетарным меркам!

Брызнувшая иссиня-фиолетовая кровь на моих глазах стала образовывать некую странную форму. Форма росла и в конце концов превратилась... точно в такого же дикаря, что был захвачен птицей. Единственное отличие от первообраза состояло в отсутствии набедренной повязки у новоявленного клона. Как только трансформация крови завершилась, нападавшие дикари отпустили птицу. Рептилия, взмахнув огромными крыльями, грузно поднялась в воздух и понесла прочь свою добычу. А собратья, обступив новорождённого двойника, гладили его плечи, руки и указывали на меня, со-

общая языковым клёкотом новому члену племени какую-то вводную информацию.

Я был совершенно потрясён случившимся. Да, мы научились клонировать биоорганизмы любой сложности, в том числе человека, но это прежде всего технология! А чтобы вот так запросто из секретиции крови создать полное подобие с помощью обыкновенного камня! И кто? Дикий, полуживотный антропос...

Часть 2. Рождённый от крови

Над горизонтом клубились ранние фиолетовые сумерки. Рыжее урийское солнце медленно садилось за остроконечные выступы гор. Сочетание тёплого оранжевого солнечного света и холодного фиолетового отлива атмосферы подкрашивало ландшафт необычайными оттенками и светотенями. Я даже на некоторое время забыл о происходящем вокруг и залюбовался вибрацией цвета, которая все окружающие предметы превращала в источники красоты.

«Мои товарищи! – как молния, сверкнула горькая мысль. – Четыре мёртвых товарища в разрушенной капсуле!...» Я поспешил к трапу. У трапа ко мне подошла всё та же четвёрка. Один из них встал передо мной на колени и протянул руку. На его ладони я увидел небольшой камень с острым, как лезвие бритвы, краем и глиняную чашечку, наполненную до краёв густой фиолетовой жидкостью.

Опять загадка! Он мне что-то предлагал, но что? Я оказался в цейтноте и от напряжения непроизвольно нахмурил брови. Дикарь воспринял мой «рассерженный» вид как проявление божественного неудовольствия. Он повернулся и махнул кому-то рукой. Тут же рослый волосатый туземец оказался перед ним на коленях.

Вождь поднял тяжёлую руку верзилы и камнем рассёк её от запястья до локтя. Из раны брызнула фиолетовая кровь. И тотчас упавшие на камни сгустки крови стали непроизвольно соединяться друг с другом, образуя какую-то осмысленную форму. Форма стремительно росла и превратилась в конце концов... в копию верзилы! Мне с трудом хватило сил сохранить своё «божественное» достоинство и не рухнуть в обморок к ногам дикарей.

Сгибаясь до земли, подбежало несколько членов стаи. Они обхватили материализовавшегося верзилу-клона и, согнув его буквально пополам, поволокли в сторону. Вождь ещё раз протянул мне чашу, предварительно пригубив от неё глоток. Я понял: мне также предлагается выпить чудодейственное фиолетовое содержимое. Я согласился, взял из рук вождя чашу и отпил глоток фиолетовой влаги. Безвкусное инертное вещество тихо и безболезненно разбежалось по моему организму. По прошествии минуты я почувствовал прилив сил и необычное жжение в области груди. Вождь протянул мне камень. При виде камня я почувствовал непреодолимое желание рассечь руку. Рука ныла, чесалась и вся-

чески обращала на себя внимание. Я взял камень с ладони вождя, закатал по локоть гофру скафандра и рассёк руку. Из раны брызнула красно-фиолетовая кровяная струйка.

Ещё в воздухе, прежде чем коснуться каменистой насыпи, кровь стала образовывать причудливую форму, всё более и более напоминавшую человека. Ещё секунд через десять на ступени трапа стоял совершенно голый мой абсолютный двойник и широко открытыми глазами оглядывал происходящее. Наконец он увидел меня, и его взгляд застыл неподвижно. Я смотрел на него, как в зеркало, и горячие слёзы готовы были брызнуть из моих глаз. К нам опять подбежали несколько дикарей и прикрыли моего двойника куском власяницы.

О, зрелище! Два совершенно одинаковых человека, один в межпланетном гидравлическом скафандре, другой – прикрытый перекинутой через плечо власяницей, стоят и смотрят друг другу в глаза. Один – с изумлением и страхом, другой – с радостью и надеждой...

Вождь издал гортанный крик, похожий на крик земной чайки: «Ба». Что означал этот крик, я понял потому, что послушное племя попятилось назад и стало расходиться. У трапа остались: я, мой брат-близнец (как по-другому скажешь?) и четверо вождей, похожих друг на друга, как четыре капли воды. Я пригласил вождей в капсулу. Они поднялись по трапу и вошли вслед за мной в рабочий отсек, где лежали исковерканные тела моих несчастных товарищей. Я внима-

тельно следил за мимикой дикарей в надежде, что их реакция на увиденное подскажет мне дальнейшие действия. Они же в свою очередь решили, что я одержал победу в схватке и с другими божествами, и с ещё большим трепетом глядели на меня, ожидая царских распоряжений.

Я жестом указал на мёртвых астронавтов и опустил руку указательным пальцем вниз. Вожди оказались вполне образительными собеседниками. Они поклонились и один за другим спустились по трапу.

...Я вглядывался в мёртвые лица друзей, и меня охватывал ужас от невозможности свершившейся потери. Сердце ныло от боли и стыда за то, что высшие силы избрали из нас пятерых именно меня к продолжению жизни. Чем я оказался лучше их? Вот лежит Ор-ланд, командир нашего экипажа, заслуженный астронавт, умница. Скольких ребят он спас, рискуя жизнью! А вот пристроился рядышком, с вдавленной в грудь осевой балкой аварийной гидравлики Стёпка – биолог, гений нанокOMBинаторики и знаток всех анекдотов от сотворения мира...

От переживаний сердца я, по-видимому, впал в сегментный анабиоз и совершенно потерял ощущение времени. Привёл меня в чувство... мой кровный брат. Он подошёл и обнял меня за плечи.

– Ты жив, и это главное, – тихо сказал он, прижимаясь щекой к плечевой гофре скафандра.

Это были первые слова, сказанные братом с момента его

«рождения». Я очнулся и посмотрел ему в глаза:

– Ты говоришь, как я?

– А как я должен говорить? Я многого не знаю, но ведь ты расскажешь мне? Скажи, кто они?

Брат указал рукой на погибших астронавтов.

Я кратко ответил ему. Затем, открыв дверцу отсека дополнительного оборудования, достал бельё и предложил одеться. Наблюдая за его движениями, я заметил, что одевался он так, будто совершал эту процедуру многократно. Я невольно улыбнулся и тут же осёк себя. Радость в окружении мёртвых товарищей была неуместна.

Послышались призывные голоса дикарей.

– Они зовут нас. Всё готово.

Мои брови опять поползли вверх.

– Ты понимаешь их язык?

– Конечно, я один из них.

– Но...

– Да, представь себе!

Брат улыбнулся и направился к шлюзу. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

Часть 3. Рэм!

С верхней площадки трапа я увидел, что дикари уже вырыли небольшую аккуратную яму невдалеке от капсулы. Возле ямы была навалена горка земли. Её необычный цвет

поразил меня и даже отвлек внимание от ритуала предстоящего погребения. С минуту я разглядывал лазурно-фиолетовые каменистые образования.

– Они спрашивают, что им делать дальше, – шепнул на ухо брат, возвращая меня к происходящему.

– Ответь им, пусть помогут здесь.

Брат махнул дикарям рукой, приглашая подойти к капсуле.

Мы аккуратно выпутывали мёртвые тела астронавтов из всклокоченной аппаратурной дыбы и спускали по трапу вниз. Дикари принимали тела и несли к яме. Когда всех четверых героев перенесли к последнему пристанищу, я попросил брата перевести мои прощальные слова:

– Прощайте, Орланд, Геометр, Степан и Полладий. Пусть фиолетовый мрак Урии станет вашим вечным космическим домом. Клянусь, если мне удастся вернуться на Землю, я расскажу о вашем подвиге. И люди поставят в вашу память обелиск славы...

Брат, насколько хватало его сообразительности, переводил, вернее, толковал мою речь. Я видел, как он страдает от непонимания большинства сказанных мною слов. Тем не менее его голос взволнованно вторил моим словам, а четвёрка дикарей одобрительно кивала головами.

Мы бережно опустили тела на дно ямы. Дикари принялись деревянными скребками забрасывать посверкивающие в сполохах закатного неба серебристые скафандры астронав-

тов. Вскоре ямы не стало. Я попросил принести валявшие-ся неподалёку сухие ветви упавшего от ветра старого дерева и сделал из двух наиболее толстых ветвей крест. Установив крест в рыхлую землю каменистого фиолета, я тихо произнёс: «Пусть Урия будет вам пухом, друзья. Простите меня, окаянного, что остался жив и не погиб заодно с вами. Бог для чего-то разделил нас. Прощайте».

– Могут ли они идти в деревню? Уже поздно, – обратился ко мне брат.

– Поблагодари их, и пусть уходят, – ответил я.

Дикари ушли, а мы вернулись в капсулу. Следовало первый раз за долгий урийский день хоть чем-нибудь перекусить. Я достал провиант, разлил в две пластиковые чарки красное сухое вино и протянул одну из них брату. Его лицо изобразило беспокойную гримасу непонимания.

– Пей, это можно, – улыбнулся я и отпил первым.

Мы начали трапезу. Мой молчаливый собеседник с удивлением разглядывал тюбики с разнообразными яствами. Заморская еда с каждой новой тубой ему нравилась всё больше, и он за вечер заметно сократил драгоценные запасы экспедиции.

– Э-э, да тебя не прокормишь! – улыбнулся я, приходя в хорошее расположение духа после трёх-четырёх выпитых чарок.

– Слушай, брат! – мне захотелось придать словам оттенок торжественности. – Моё имя Ромул. А тебя я назову... Рэм!

Ты только представь: Ромул и Рэм, основатели Рима! Рим? Э-э, потом, про Рим я тебе расскажу потом, это долго. Ты согласен?

– Согласен, конечно, согласен, – задумчиво, растягивая слова, произнёс Рэм (он пил наравне со мной, причём первый раз в жизни!). – А скажи, брат, в твоём племени все имеют такие красивые сверкающие одежды, как ты и твои погибшие друзья?

– Идём! – я взял Рэма за руку и вывел на верхнюю площадку трапа. Огромные лиловые звёзды царствовали в чёрном фиолете неба. – Где-то там, за большими звёздами, есть крохотная звёздочка под названием Солнце. А среди множества планет, которые, как комарики на болоте, кружат вокруг неё, есть и моя планета...

– Что значат твои слова «комарики на болоте»?

Пересказывая Рэму историю Земли, я невольно анализировал его реакцию. Оказалось, что фундаментальные знания он воспринимал легко, и мне не приходилось пускаться в бессмысленные и дотошные разъяснения. Но тонкости земной жизни, которые я извлекал скорее из глубины своего житейского подсознания, вызывали у Рэма вопросы, на которые он сразу же стремился получить ответ.

– Вы прилетели на Урию. Зачем?

– Понимаешь, Рэм, смысл разума, если можно так выразиться, в непрерывном движении вперёд. Разум идёт по следам Бога. Он и привёл нас сюда.

– Кто привёл, Бог?

– Да нет, я же тебе объясняю: ра-зум, покоритель Вселенной! Вселенная, понимаешь?

– Вселенная... – мечтательно повторил Рэм. – А как ты думаешь, почему Бог не подарил вам Вселенную? Почему вы должны её завоёвывать, жертвуя, как ты говоришь, жизнями лучших из людей?

– Станный вопрос! Бог подарил нам разум. А разум – это ключ, который помогает открыть сундучок с тайнами мироздания. Понимаешь?

– Нет, не понимаю. Но слышу, как твоя память произносит имя «Пандора», кто это?

– Ты слышишь мысли?!

– Ну да, это просто. И мои братья слышат мысли друг друга, поэтому наша речь так неразвита. Они и тебя слышат, но не понимают смысла.

– Пандора, говоришь? – я на мгновение задумался. – Да, была такая любопытная особа. Некто Зевс подарил ей красивый ящичек с уговором, что она ни в коем случае не откроет его самостоятельно. Но разве можно словом унять женское любопытство! Конечно, Пандора приоткрыла крышку. Она не хотела открывать, она хотела просто посмотреть, что находится в ящике. Увы, как только образовалась щель и в темноту ящика брызнул луч солнечного света, наружу из ящика вырвались все возможные несчастья и беды. Это было ужасно! Пандора в страхе захлопнула крышку, но поздно. На дне

ящика осталась единственная представительница житейского ремесла – недотёпа Надежда...

– Поучительная история, – произнёс Рэм, зевая и с трудом приподнимая отяжелевшие веки.

Мне вдруг показалось, что этот однодневка-фигляр замахнулся ни много ни мало на смысл разумного обустройства Вселенной! И зачем я ему про Пандору стал рассказывать?

Чтобы побыстрее закончить щекотливый разговор, я набрал в лёгкие воздух и пробасил:

– Я, Аслонов Ромул Полладьевич, принимаю командование личным составом космической экспедиции на себя. Слушай мой приказ – всем спать!

– Ой-ой-ой, напугал даже! – пробурчал Рэм и, как сидел, повалился на ближайший плоский выступ аппаратуры.

Я смотрел на похрапывающего Рэма и припоминал невероятные обстоятельства его появления на свет. Так душа смотрит со стороны на покинутое тело. Что ж, первый день его жизни завершился. «Какой же он ещё маленький, этот верзила!» – улыбнулся я. Никогда не думал, что смогу любить другого человека как себя.

Мне всегда эта христианская заповедь казалась надуманной. Однако то, что произошло сегодня, круто изменило моё понимание жизни, сложившееся за тридцать лет моего земного обустроенного благополучия.

Часть 4. Первый монолог оружия

Утром нас разбудил непонятный шум, похожий на прощальный клёкот стаи умирающих птиц.

– Они плачут, – пояснил Рэм, протирая глаза.

Действительно, многотысячная толпа дикарей, убитая горем, стонала и пролиwała слёзы у подножия трапа. Каждый из них воздевал руки к небу, потом опускал вниз, сжимая ладонями лицо, и снова простира́л вверх. Они что-то выкрикивали, но более всего сокрушённо мычали: «Ы-а, ы-ы...»

– Рэм, почему они плачут?

– Они горюют оттого, что ты пренебрёг их подарками. Тебе следовало их забрать. Это моя вина. Я должен был вчера сказать тебе об этом.

– Передай, что я принял дары и благодарю их...

Я хотел добавить ещё пару соображений, успокаивающих этот милый и наивный народ, но в этот миг уже знакомая огромная чёрная птица появилась над толпой. Она парила, расправив многометровые крылья и вытягивая когтистые лапы, чтобы схватить очередную жертву. Я бросился в капсулу и сорвал с аварийного щита лазерный модулятор. На долю секунды мой огненный луч опередил последнее приготовление птицы. Как подогретый нож входит в масло, так лазерная нить мгновенно разрежала птицу напополам. Оперение вспыхнуло, подобно факелу. Изумлённые дикари отпрянули

от горящей птицы, и один за другим попадали ниц, прикрыв лоскутами шкур свои косматые головы. Страх и религиозный трепет объяли племя. Наступила гробовая тишина, нарушаемая только треском горящего оперения.

Постепенно дикари стали приходить в себя и подниматься, с ужасом поглядывая то на огромный догорающий факел, то на меня.

Решив, что настал подходящий момент для утверждения собственной безопасности, я шепнул Рэму:

– Скажи им, что я буду говорить.

Рэм перевёл мои слова. Дикари опустили головы и приготовились слушать.

– Слушайте все! – начал я. – Сегодня великий день. Я называю этот день «Тхао». Отныне вы не должны бояться большой чёрной птицы! Чёрная птица мертва. Вы и ваша деревня в безопасности. Радуйтесь и веселитесь!

Как только Рэм перевёл мои последние слова, толпа дикарей огласила долину рёвом ликования. Они затрясли руками, стали размахивать шкурами и хватать друг друга за волосы. Я смотрел сверху на эту вакханалию радости и размышлял: «Что общего может быть между планетарными целями землян и этими дикарями, для которых эволюция разума ещё не стала насущной потребностью? Да и станет ли?»

От толпы отделилась небольшая группа морщинистых седовласых дикарей, по-видимому старейшин, и уже знакомая мне четвёрка вождей племени. Они подошли к трапу.

– Тебя приглашают в деревню, – сказал Рэм.

– Переведи: я согласен, – коротко ответил я.

Часть 5. Шаман

Окружённые тысячами любопытных глаз, мы с Рэмом вышагивали по дороге, ведущей в деревню. Вскоре показались первые землянки и хижины поселения. Повсюду горели костры. Пожилые женщины с отвислыми грудями жарили на огне еду. Ватаги голых и счастливых малышей носились от одного костра к другому, выпрашивая еду или кости для игр. В центре деревни высилось сооружение из коряг, перевязанных лианами. В центре возвышения сидел поросший волосами дикарь и мерно постукивал ладонью по округлой пластине из какого-то очень прочного дерева.

– Это учитель жизни, – шепнул мне на ухо Рэм.

– По-нашему шаман, значит, – усмехнулся я.

Мы подошли к возвышению. Дикари все до единого, даже старейшины, поклонились шаману в пояс. Поклонился и Рэм. Один я остался неподвижен и с интересом разглядывал сущее чудовище, наполовину прикрытое лоскутами разодранной шкуры-власяницы. Шаман зыркнул на меня горящими, как угли, глазами и протянул трясущуюся руку, указывая мне на камни под ногами.

– Он плачет о том, что ты не поклонился, – тихо произнёс Рэм, не поднимая головы, – поклонись, Ромул, тут так

принято.

Слова Рэма смутили меня. С какой стати бог в моём лице должен кланяться съехавшему с катушек «учителю жизни»? Я отыскал на груди свой нательный крестик и демонстративно направил его на шамана. Боже, что тут произошло! Волосатый нетопырь взвизгнул, как поросёнок, и повалился с высоты нагромождённых коряг прямо на уличные камни. Похоже, он крепко приложился головой, так как с минуту лежал замертво.

Племя со страхом смотрело на происходящее. Даже ребяташки попрятались за спины взрослых и притихли. Через минуту шаман открыл маленькие затуманенные злобой глазёнки. С помощью двух подбежавших дикарей он кое-как поднялся и, потешно крича, размахивая руками и сплёвывая в сторону слюну, помчался на дальний конец деревни.

Как только он убежал, я почувствовал странный враждебный холод от окружавшей меня толпы дикарей.

– Что-то сейчас будет, – шепнул Рэм, – надо уходить.

Вокруг меня встала четвёрка вождей, к ним примкнули несколько старейшин, а напротив колыхалось море тупых озлобленных глаз, сгорающих от желания отомстить мне за любимую игрушку, которую я только что отнял у них.

Толпа сделала несколько шагов вперёд. Казалось, ещё мгновение и она бросится на нас. Тут я вспомнил об аварийной ракетнице, упакованной в резервный карман правого голенища. Я выхватил сигнальный пистолет и произвёл

выстрел вверх. С шумом и свистом ракетная капсула взмыла в воздух и там, совершив хлопок, рассыпалась на множество ярких разноцветных салютинок.

Толпа туземцев снова попадала на землю.

– Надо торопиться, пока они не опомнились! – твёрдо сказал Рэм и направился из деревни. Я поспешил за ним в окружении вождей и старейшин.

Часть 6. Гибель Рэма

Рэм оказался прав. Когда через полчаса мы быстрым шагом подошли к трапу, я обернулся и увидел облако пыли, поднимающееся над долиной. Напряжённый топот многотысячной толпы не оставлял надежды на благополучный исход дела.

Подталкивая медлительного Рэма, я поднялся по трапу и задраил аварийный люк шлюза. Вожди и старейшины следовать за нами не стали.

Минут через десять толпа окружила капсулу. Все что-то громко кричали и угрожающе размахивали руками.

– Ромул, только что они готовы были носить тебя на руках, а теперь?.. – с печалью в голосе сказал Рэм, поглядывая в иллюминатор.

– Добро и зло рождают философа Рэма, не так ли! – вяло улыбнулся я, порядком устав от всей этой урийской первобытной неразберихи.

Тем временем самые отважные из дикарей стали сносить и складывать под капсулу хворост и сучья поваленных деревьев.

– Они хотят нас поджечь! – воскликнул Рэм. Бессмысленная затея дикарей его напугала.

– Послушай, Рэм. То, что я тебе сейчас скажу, ты всё равно не поймёшь, но почувствуешь и успокоишься. Корпус капсулы рассчитан на мегаватты лобового соприкосновения с источником тепловой энергии, поэтому низкотемпературная плазма, или, иными словами, пионерский костёр, который вознамерились разжечь твои соплеменники, нам попросту не опасен.

Рэм пожал плечами и послушно выдохнул.

Вдруг поток света в иллюминаторе превратился в чередование серых и чёрных пятен. По небу пронеслись тёмно-фиолетовые тени. Мы с Рэмом прильнули к стеклу и ахнули. Десятки огромных чёрных летающих ящеров кружили над толпой. Уже через несколько секунд один за другим они стали пикировать, выхватывая из толпы жирные куски добычи. Началась паника. Пытаясь укрыться от прожорливых гигантов, дикари давили друг друга и бежали прочь. Отбежавшие из толпы одиночки оказывались наиболее лёгким лакомством для крылатых чудовищ. В иллюминатор было видно, как перепуганные старейшины и вожди поднимались по трапу, протягивали к шлюзу руки и молили впустить их. Я заметил, как одна из птиц, сделав резкий разворот, сложила

крылья и стрелой понеслась к лестнице.

– Ромул, открой им! – плача воскликнул Рэм.

Я медлил. Во мне вдруг проснулось ветхое чувство обиды за самого себя. «Почему я должен рисковать жизнью ради них?» – мелькнула подлая мысль.

И пока я, гуманист и буревестник разума, трясся за свою шкуру, Рэм бросился к шлюзу. Распахнув люк, он выскочил на верхнюю площадку трапа и стал подавать руку поднимающимся старейшинам. В этот миг в иллюминаторе стало темно. На площадку обрушились, как водопад, крылья и когтистые лапы подлетевшего ящера. Рептилия впиалась острыми когтями в грудь Рэма, приподняла его над площадкой, разбила клювом голову и стала подниматься, оглашая всё вокруг победоносным криком и шелестом своих костистых перьев.

Несколько секунд я смотрел вслед исчезающему в фиолетовой дымке чёрному силуэту, не понимая, что сейчас произошло. Вдруг меня пробил электрошок. Я схватил лазер и, расталкивая набившихся в рабочий отсек дикарей, выбежал на площадку трапа.

Жертвоприношение было в разгаре. Птицы, растравленные лёгкой добычей, играли с толпой, как кошки с мышами. Они хватали дикарей, подбрасывали их в воздух, отпускали на высоте пяти-шести метров и возвращались за новой добычей. Их огромные страшные клювы работали как молотилки, выкрашивая толпу в фиолетовый цвет урийской крови.

Это возбудило меня ещё больше. Я включил максималь-

ную плотность луча и стал жечь без разбора всё вокруг. Луч модулятора самозабвенно исполнял пляску смерти и, как танец Саломеи, творил свою жестокую расправу. Вспыхивали один за другим ящеры, их будущие жертвы – дикари, женщины и дети дикарей – все оказались в огненном котле моего безумия.

Когда в небе не осталось ни одной летающей тени, я опустил модулятор и огляделся. Взору предстал ужас, совершённый человеком, которому Бог даровал разум и право сильного...

Часть 7. Ещё одна ошибка и...

Старейшины и четвёрка вождей племени, опустив головы, молча прошли мимо меня к трапу и спустились на поверхность родной планеты, выжженной диким, необузданным пришельцем. Они опустились на колени и долго смотрели на догорающее кроваво-фиолетовое месиво их родных и близких. Как стожары на скошенном поле смерти, повсюду торчали обугленные скелеты ящеров. Немногие оставшиеся в живых члены племени сбились в крохотные группки. Припав на колени, они мерно раскачивались и выли тоскливую песню смерти.

Последний из вождей, проходя мимо меня, задержался и, не поднимая головы, подал глиняную чашу, на дне которой посверкивало несколько фиолетовых капель.

– Ри-э-эм, – произнёс вождь, передавая мне чашу.

– Что «риэм»? – переспросил я.

Он поднял на меня заплаканные глаза. «Ри-э-эм!» – при этом слове вождь взмахнул руками, изображая птицу.

– Рэм?! – воскликнул я.

Вождь утвердительно закивал головой, схватил мою руку и как бы рассёк её своей ладонью. «Ри-э-эм!» – повторил он, затем вновь уронил голову на грудь и поспешил вслед за спустившимися по трапу братьями.

Я понял его совершенно. Мне предстояло рассечь руку и перемешать свою кровь с каплями крови бедного Рэма, чудом попавшими в эту чашу, и...

Я переводил взгляд то на катышки крови в чаше, то на страшную панораму смерти вокруг. Энергетический ком нервного припадка дробился внутри меня на фрагменты. Меня тошнило и трясло. Боясь потерять бесценные фиолетовые крохи надежды, я шатаюсь вошёл в капсулу и, как мог, бережно опустил чашу в безопасное место.

Теперь предстояло осознать случившееся и сделать правильный шаг. Я понимал, что ещё одна моя личная ошибка может навсегда погубить главное – идею планеты Урия.

В геном человека Бог заложил массу замечательных качеств. Но среди них есть одно, на мой взгляд, наиболее замечательное. Когда мы попадаем, казалось бы, в безвыходную ситуацию, наш мозг начинает работать на опережение и выбирает лучший вариант действия, не гадая о том, как пра-

вильнее поступить. Имея скрытую способность к предвидению, он разматывает клубок непреодолимых обстоятельств с конца, оглядывая предстоящие действия из будущего как уже совершённые.

Это позволяет ему принять единственно правильное решение.

Оттого наши действия обретают непонятную нам самим уверенность и спокойствие. Но эта удивительная способность нашего генома реализуется при одном обязательном условии: если тончайшую работу ума не парализует дикий страх перед обстоятельствами.

Я отложил в сторону модулятор и ракетницу, снял скафандр, который не снимал с момента «приземления» на Урию, и переделся в простой спортивный костюм, предназначенный для отдыха и расслабления. Накинув на плечи любимую кожанку, подарок отца и всепогодный талисман в моих передвижениях по Вселенной, я вышел на площадку трапа, прикрыл за собой шлюзовой люк и, стараясь не глядеть на пепелище, быстрым шагом направился в деревню.

Часть 8. Покаяние

На подступах к деревне меня поразила зловещая тишина и отсутствие жизни. Одиноко горели костры, но ни старух, ни ребятишек рядом не было. Я направился к центру деревни, где возвышалось памятное «лобное место». За моей спи-

ной происходили мимолётные передвижения-перебежки. Но стоило повернуть голову, всё тут же замирало и зловещая тишина, как разинутая пасть огромного зверя, дышала мне в лицо горячим нетерпеливым дыханием.

Я подошёл к возвышению и по выступам корневищ вскарабкался наверх. На переплетении лиан лежала брошенная шаманом деревянная пластина-бубен. Я поднял её и, сложив ноги по-шамански – крест-накрест, в положение, напоминающее начальную позу йоги, – ударил ладонью в бубен.

Припомнив ритмику и нарастающую силу шаманских ударов, я старался воспроизвести всё в точности. Минут через пять первые, наиболее смелые обитатели деревни вынырнули из своих укрытий и приблизились ко мне на безопасное расстояние. За ними следом вышли вожди и старейшины. Их действия ободрили прочих дикарей, и те стали покидать свои укрытия. Короткими пружинистыми перебежками они приближались к возвышению. Потоки детей потекли между ними.

Когда племя, вернее то, что от него осталось, собралось вокруг «лобного места», я отложил бубен и припал головой к корням. Глядя на моё покаянное положение, сначала вожди, за ними старейшины, а вслед и все уцелевшие члены племени попадали на камни и шкурами прикрыли головы.

Минут десять мы стояли на коленях друг перед другом. Затем я встал и воздел руки к небу. Племя в точности повторило моё движение. Я опустил руки и спрыгнул с возвыше-

ния. Ко мне подошли вожди, старейшины и остальные члены племени. Один из вождей протиснулся сквозь толпу и побежал к ближайшей хижине. Через минуту он вышел из неё с каким-то ожерельем в руке. Ещё раз ловко пробравшись через плотное кольцо дикарей, он подступил ко мне.

Я разглядел, что ожерелье представляло собой нанизанные на крупный волос животного острые клыки какого-то хищника, возможно чёрной птицы-ящера. Вождь поднял ожерелье вверх и под одобрительный гул толпы торжественно опустил его мне на плечи. Нетрудно было догадаться, что это сакральное действие посвящало меня в высшее руководство племени. Толпа ещё раз опустилась на колени и замерла. Я развёл руки в стороны и совершил круг на месте. Толпа мгновенно прочитала мои мысли, стала подниматься с колен и расходиться.

...Примерно через час смертельно усталый я вполз по трапу в рабочий отсек капсулы. Подержав на ладони чарку с фиолетовой памяткой о дивном человечке Рэме, я бережно поставил её на место. «Завтра, всё завтра, а сейчас – спать!» Во исполнение собственного распоряжения, не раздеваясь, я повалился на ближайшую горизонталь и мгновенно уснул.

Часть 9. Рэм умер – да здравствует Рэм!

Наступило утро. Урийское солнце цвета спелого лимона протиснулось в небольшой иллюминатор капсулы и зависло

на хромированной поверхности приборной доски. Как только я проснулся, солнце вздрогнуло и выкатилось восвояси. Щурясь ему вслед, я взглянул в иллюминатор. Четвёрка вождей и несколько молодых дикарей с широкими деревянными подносами стояли под ступенями трапа и терпеливо ждали моё пробуждение. Я открыл люк и вышел на площадку. Аромат раннего утра коснулся меня тонким фиолетовым холодком. При моём появлении вожди склонили головы, а молодые дикари припали на колени. На подносах были разложены всевозможные местные яства. «Однако!» Я спустился по трапу и присел на предпоследнюю ступеньку. Дикари поднесли еду. Выбрав что-то, похожее на жареное мясо, я попробовал – оказалось вкусно. Особенно мне понравилась столовая «зелень» фиолетового цвета, типа нашего базилика, но с привкусом рукколы.

Перекусив, я подозвал одного из вождей, указал на нетронутые нагромождения еды и жестом обозначил ребёнка. Вождь кивнул головой и распорядился. Еду с подносов переложили в корзины, и молодые дикари, навьюченные поклажей, отправились в деревню. Вожди раскланялись со мной и зашагали за ними вслед.

Я вернулся в капсулу и взял нож. Предстояло рассечь руку от локтя вниз к ладони и стекающую кровь смешать с кровавыми катышками Рэма. Всего раз мне пришлось заниматься членовредительством. И хотя с того памятного события прошло не более двух недель, рана на руке полностью затяну-

лась. Иногда мне казалось, что никакого чуда не было и Рэм мне попросту приснился. Терзаясь сомнениями, я медлил приступить к задуманному. Припомнились слова отца: «Если не можешь что-то преодолеть, посчитай дело сделанным и в своих действиях вернись назад, вспоминая об этом деле как об уже совершённом». Я вообразил нового Рэма, точно такого же, каким был мой прежний замечательный брат. Ещё я подумал: что будет, если я этого не сделаю? В моих руках жизнь и бытие человека, а я трушу, как элементарная дарвиновская тварь!

Скольльзящим движением я рассёк руку и наклонил рану к чаше. Тёплая красная кровь, как талый зажор, притопила фиолетовые катышки запёкшейся крови Рэма, и... наступила пора чуда!

Действительно, содержимое чаши стремительно увеличивалось в объёме и постепенно принимало вещественную форму. Увы, окончания чудесного процесса я не видел. От волнения у меня потемнело в глазах, и я готов был уже упасть в обморок (хорош астронавт!). Тут кто-то коснулся моего плеча и произнёс: «Здравствуй, брат!» Усилием воли я сбросил обморочное оцепенение и открыл глаза: передо мной стоял совершенно голый Рэм и светился человеческой улыбкой счастья!

– Рэм, бродяга, это ты! – воскликнул я, пытаюсь унять волнение сердца.

– Рэм? Почему Рэм?

– Рэм, Рэм, Рэм! Кто же ещё! – защebetало моё сердце, пряча подступившие к глазам слёзы. – Одевайся, дружище, мы снова вместе!

Я достал из каптёрки одежду. Из предложенного разнообразия Рэму пришлась по вкусу тельняшка и лёгкий спортивный костюм.

– Порядок! – я придирчиво оглядел Рэма. Его ладная пружинистая фигура совершенно походила на мою, но были и отличия, придавшие абсолютной копии некий первобытный урийский шарм.

На ваш вопрос «первобытный урийский шарм – это как?» я отвечу так.

Рэм был на толику больше, чем я, сутулился в плечах, в его движениях чувствовалась кошачья пружина охотника, вынужденного подбираться к добыче вплотную. Его нижняя челюсть чуть больше выступала вперёд, как у мудрого удава Каа. Подобная особенность лицевого строения говорила о приоритете чувственной моторики в общении с окружающим миром. Наверняка у погибшего Рэма были те же физиологические особенности, но я воспринимал его как чудо и ничего подобного в его облике не замечал.

Мой подробный анатомический разбор Рэма номер два ещё раз подтвердил печальную истину: мы быстро привыкаем даже к чудесам и восторг души добровольно обмениваем на скучную аналитику происходящего.

Часть 10. Надежда подлежит восстановлению

Я взялся отремонтировать повреждения капсулы в надежде вернуться на безлюдную орбитальную станцию, которая наматывала круг за кругом над Урией. В ночном небе я не мог видеть её движение. Орбита станции лежала в противоположной полусфере планеты. Но я надеялся на благополучие материнского модуля исходя прежде всего из моего законного права надеяться на лучшее во что бы то ни стало.

К счастью, в приборном отсеке чуть ли не треть полезной площади была отведена под ЗИП. Помню, на Земле, в Академии астронавтики, как только мы ни шутили над гипертрофированной предусмотрительностью главного конструктора станции, добродушного Адама Петрича. А зря: прав оказался главный, как в воду глядел.

Потянулись долгие кропотливые ремонтные будни. Рэм оказался толковым и рукастым помощником. Через пару дней работы он уже понимал общую концепцию аппаратного обеспечения и порой указывал мне на то, что я в пылу ремонта упускал из виду.

Дикари исправно каждое утро приносили отменную еду и небольшие, но выполненные от души подарки. Как правило, это были вязанные из соломы зверушки или незатейливые предметы быта.

Ремонт продвигался на удивление споро. Я имел возможность менять целые блоки аппаратуры, не распаивая микросхемы и не выламывая из базовых плат сгоревшие элементы. Главный бортовой компьютер, чудом сохранивший работоспособность после сотрясения, принимал в своё распоряжение всё новые и новые отремонтированные узлы общей аппаратной системы.

Часть 11. Охота

Однажды во время утренней трапезы один из вождей что-то шепнул Рэму, хитро поглядывая в мою сторону.

– Они зовут тебя на охоту. Говорят, в окрестностях деревни объявился огромный бору́. На завтра назначена охота.

Рэм, возбуждённый предчувствием чего-то необычного и интересного, смотрел на меня широко раскрытыми глазами, вымаливая согласие.

– Передай вождю, я приму участие в охоте, – ответил я, дружески хлопнув его по плечу.

В тот же день вечером вместо традиционного антропологического ликбеза и рассказов о Вселенной темой нашего разговора была охота! Рэм задавал бесчисленное количество вопросов, и, пожалуй, главный из них звучал так: «Какое право мы имеем убивать животное, которое не причинило нам никакого вреда?»

– Понимаешь, Рэм, – ответил я, невольно опуская глаза

под напором наивного, не знающего злобы взгляда, – мир устроен так, что в нём выживает сильнейший. Борú, на которого завтра будет охотиться племя и наверняка убьёт его, ведь тоже охотник. Его жертва – более слабый зверь. Ты сам по утрам принимаешь из рук дикарей куски мяса и ешь их. Они же не выросли на деревьях. Это фрагменты убитых зверей или домашней птицы. И ты не оплакиваешь их смерть, а пользуешься ею.

– Да, это так, и всё же объясни мне, почему моё существо при мысли о завтрашней охоте ликует от радости? Почему будущее убийство вызывает во мне не вздох вынужденного сожаления, а веселье, как от вина, которое я пробовал из твоих рук?

– Наверное, когда-нибудь человек перестанет радоваться чужой смерти. Поверь, Рэм, это всё, что я знаю.

На следующее утро ни свет ни заря меня разбудили крики дикарей и отрывистые звуки, напоминающие голоса детских пищалок. Я поглядел в иллюминатор и увидел охотничье «войско» в полной, явно не потешной амуниции. Дикарей шестьдесят с шипованными дубинами и копьями бродили толпой возле трапа капсулы. Копья имели каменные наконечники, привязанные лоскутами лиан к срезанным и ошкуренным стволам молодых деревьев.

– Н-да, серьёзная сила, – улыбнулся я, – Рэм, вставай! Завтрака, похоже, сегодня не будет.

Предупреждение оказалось излишним. Рэм, уже одетый,

нетерпеливо ёрзал в углу и ждал моего пробуждения.

– Пора?! – выпалил он и даже дал петуха, как только я поглядел в его сторону.

– Да, выходим, – ответил я и вложил в боковой карман правой голени заряженную трассерами ракетницу. Модулятор я брать не стал, решив не пробуждать воспоминания дикарей.

Мы спустились по трапу и смешались с толпой охотников. Процессия двинулась в ближайший лесок, представлявший из себя полупроходимые заросли выющегося в камнях кустарника. Редкие стволы крупнолистных деревьев торчали из общей клубящейся массы растительности, как фиолетовые сугробы, и служили ориентирами в пути.

Урийское солнце ещё таилось за горным перевалом, но небо, предчувствуя его скорое появление, уже перекрасило слоистую гряду облаков из ночного пепельно-серого фиолета в розовый кармин наступающего утра.

Ватага добровольцев, шествовавшая впереди охотничьего войска, вошла в глухие колючие заросли кустарника. Как мне пояснил Рэм, подслушивавший мысленные переговоры дикарей друг с другом, в задачу авангарда добровольцев входило потревожить зверя и гнать его на основные «армейские» силы, которые расположились в каре, выставив вперёд копыя в ожидании зверя.

– Рэм, – удивился я, – спроси: а если зверь не побежит в западню и вильнёт в сторону, что тогда?

Рэм пошептался с одним из вождей, потом повернулся ко мне и сказал:

– Они говорят, побежит.

Я достал на всякий случай ракетницу и спрятался за камнями во втором эшелоне охотников.

Вскоре послышался треск ломающегося валежника и острые, как язычок змеи, крики туземцев. Шум быстро усиливался. Похоже, всё шло по плану: зверя подняли и гонят на каре.

Вдруг долина огласилась невероятным по силе рыком. Вслед послышались тревожные и жалобные выкрики туземцев. Дикари стали переглядываться друг с другом. Судя по рыку, огромная величина бору не вписывалась в их расчёты. Оставалось только догадываться о незавидной судьбе горстки смельчаков.

Копьеносцы первой линии один за другим стали перебегать в тыл нашему порядку и прятаться за большими камнями. Каре, охваченное страхом, редело на глазах. Дикари стали всё чаще поглядывать в мою сторону, надеясь на гарантированную защиту. Думаю, не будь меня среди них, они бы давно разбежались.

Я пожалел о том, что не взял модулятор. Ракетница – это, конечно, хорошо, шуму много. И только.

Зверь стремительно приближался. Голоса погонщиков смолкли. Слышался только хруст ломающегося кустарника и глухие удары лап о каменистую почву. Казалось, долина со-

трясается от бега исполина. Воинственный дух оставил охотников совершенно. Каре рассыпалось. Его испуганные фрагменты попрятались в каменные проёмы за моей спиной. Наше доблестное войско перестроилось в новую форму, напоминающую немецкую рыцарскую «свинью». На переднем крае этого «свинского» порядка оказались мы с Рэмом. Честно говоря, на такое откровенное свинство со стороны товарищей по охоте я не рассчитывал.

Рэм, ещё не видевший смерти, беззаботно, как дитя, поглядывал на меня, чувствуя сердцем, что теперь именно от моих действий зависит исход охоты. Я велел ему отойти за камни. Распоряжение его огорчило. Он медлил. Мне пришлось повторить приказ более строгим голосом. Только тогда этот большой ребёнок вразвалочку направился в укрытие.

Я перезарядил ракетницу, вставив вместо сигнальных ракет обойму с так называемыми психопатическими трассерами. Они не могут произвести поражающее действие пули, но способны нарушить моторику и психологическое состояние противника. Оставалось надеяться, что в устройстве бору́, помимо мышц и клыков, есть и что-нибудь нервическое.

В этот момент последний ряд кустов, отделявших разъярённого зверя от горе-охотников, затрещал и чудовище, напоминающее носорога, но размером со слона вывалилось на поляну. Пользуясь моментом, пока бору́ застыл, размышляя, что делать дальше, я выстрелил, целясь животному в глаз –

единственное место, через которое я мог потревожить его нервную систему. Выстрел оказался удачен. Отчаянно мотая огромной полутораметровой мордой, чудовище издало пронзительный рёв и поднялось на задние лапы. Вторично я выстрелил в пах, заметив розовое пятно слегка ворсистой кожи в нижней части бронированной туши. И этот выстрел достиг цели. Одна из задних лап животного задёргалась в конвульсиях, бору́ потерял равновесие и всей своей тяжестью рухнул на камни метрах в четырёх от меня, подняв в воздух облако фиолетовой пыли.

Как только животное, тяжело дыша, замерло, парализованное на малое время трассерами-паралитами, осмелевшие дикари повскакали из-за своих укрытий и с криками типа «Виват, Глория!» бросились к поверженному зверю. Они окружили его плотным кольцом, не переставая воинственно галдеть и трясти оружием. Тут ко мне очень кстати подбежал Рэм.

– Рэм, скажи им, что надо убить зверя, иначе он скоро очнётся и тогда...

Я не успел договорить фразу, как огромная туша бору́ дрогнула. Зверь зашевелил лапами и подцепил когтями сразу двух туземцев. Он поднял добычу в воздух и раскрыл огромную пасть. Я выскочил из своего укрытия и до последнего патрона разрядил ракетницу прямо в отверстие горло зверя.

Наступил момент «икс», беречь патроны не было никако-

го смысла. Или мы сейчас утомим этого гиганта, или он очнётся и разнесёт всех нас так, что мама не горюй!

Взволнованный, с глазами, горящими, как два смоляных факела, Рэм был великолепен! Он бегал от вождя к вождю, тормозил их, указывая на меня, и всячески призывал к немедленным действиям. Увы, убедить их стоило труда.

Зверь снова впал в анабиоз, и дикари окончательно решили, что на этот раз с ним покончено. Два несчастных туземца, поднятых в воздух, затихли на весу. Сдавленные острыми когтями, они обмякли и не подавали признаков жизни. Впрочем, на них никто не обращал внимания. Все с интересом разглядывали поверженного бору́ и трубили победу.

Но вот один из вождей, ещё раз выслушав Рэма, тревожно взглянул в мою сторону. Я сложил руки крест-накрест и, указывая на бору́, показал жестом, что охота не закончена. Вождь мотнул головой и издал короткий воинственный клёкот. Толпа мгновенно притихла, и началась сосредоточенная работа. Четыре дикаря взвалили на плечи огромное копье, которое представляло собой шестиметровую жердь, похожую на длинный бамбуковый хлыст. С боевой стороны жердь заканчивалась полуметровым отточенным, как игла, каменным наконечником. К первой четвёрке присоединились ещё несколько дикарей. Процессия отбежала от зверя метров на двадцать. Вождь крикнул вторично, и дикари понеслись что было духу к поверженному гиганту, застывшему в неестественной позе с поднятыми вверх лапами. Ко-

пъё, как в масло, вошло в грудь чудовища чуть выше живота. Направление удара было рассчитано правильно, и копьё, похоже, поразило зверя в самое сердце.

Борú очнулся, оглушительно взревел, перекатился по камням, ломая копьё и вдавливая в грунт не успевших отбежать охотников. Затем он каким-то чудом поднялся на лапы, шатаясь, сделал несколько шагов в сторону леса и рухнул ниц, с оглушительным треском подмяная под себя кустарник. Какое-то время он ещё жил, оглашая долину прощальным рёвом и вскапывая лапами каменистую почву, будто задумал вырыть себе могилу. Но судьба поединка была решена.

Только тогда я почувствовал, что у меня впервые в жизни трясутся, как у старика, руки и на глаза наворачиваются горячие, как кипятки, слёзы. Я отвернулся от умирающего борú и пошёл прочь не разбирая дороги.

Окончание поединка и смерть несчастного великана я не видел, поэтому не стану описывать в подробностях то, что мне потом весь вечер рассказывал Рэм одновременно восторженно и смущённо. Борú действительно ни в чём не был виноват перед своими победителями. Какими доводами ни оправдывай жестокость на охоте (убийство – это всегда преднамеренная жестокость), в момент убийства убивающий сам превращается в зверя. Звероподобное состояние может длиться всего-то мгновение, но сам факт его присутствия в разумной материи разрушителен. Запомните, друзья: убивая зверя, человек превращается в зверя, убивая птицу или ры-

бу, человек тоже превращается... в зверя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.